

Мария Некрасова

Скелеты на пороге

*Часть сборника
Твой друг вампир (сборник)*

Мария Некрасова
Скелеты на пороге

«ЭКСМО»

2008

Некрасова М. Е.

Скелеты на пороге / М. Е. Некрасова — «Эксмо», 2008

ISBN 978-5-457-10810-3

Оказывается, есть еще и в наше время заколдованные места. По-настоящему заколдованные, без дураков. Виктор и сам думал, что все это сказки, пока случайно не купил по просьбе своей бабушки лечебную глину для ее больной спины. А из маленького комочка этой глины Виктор слепил человечка. Ну, человечек тот устроил Вите праздник – мало не показалось! Теперь мальчику надо как-то от него избавиться... но все не так просто... Да и бабушке, похоже, от этой глины стало хуже!

ISBN 978-5-457-10810-3

© Некрасова М. Е., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Глава I	5
Глава II	8
Глава III	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Мария Некрасова

Скелеты на пороге

Глава I

Злая земля

Если бабушка просто что-то говорит – она шутит. Если бабушка просит, то это серьезно: надо немедленно все бросать и выполнять. Я это понял еще десять лет назад, когда познакомился с чугунным утюгом. Бабушка сказала, что утюг кусается, и попросила немедленно оставить его в покое. Я тогда, в силу мелкого еще возраста, понял только шутку, а просьбу выполнять не спешил, из-за чего и обжегся. Реву было! Но это наш с бабушкой секрет, и вообще, неважно. Важно другое: говорить бабушка может все что угодно, не стоит принимать всерьез ее, бабушкины, шуточки. А вот просьбы выполнять-таки надо, потому что это все-таки бабушка.

Я это к чему? Я к тому, что, когда бабушка попросила меня съездить в подмосковный город Клоп и купить у вокзальных бомжей килограмм глины, я собрался и поехал без разговоров. Понимать ее тонкий юмор я не обязан, а прокатиться в Подмоскowie вместо первых двух уроков (глина должна быть обязательно утренней) – дело чести. Бабушка не первый год жаловалась на большую спину, но последнее время ей становилось все хуже и хуже. Она грешила на лекарства, пробовала новые, вспоминала народные рецепты и в конце концов докатилась: «Купи у вокзальных бомжей сто граммов утренней глины. Буду прикладывать, вдруг поможет!» Конечно, я не верил в целебные свойства глины и, конечно, отправился за ней.

По ногам проехала ручная тележка. Шестая по счету, значит, скоро выходить. Клоп – седьмая станция от Москвы, я стою в тамбуре и старательно уворачиваюсь, поэтому больше одной тележки за остановку по мне еще не проезжало. Была одна внеплановая коробка с яблоками, ее тащили волоком и поставили мне на ногу. Но это не больно, так что не считается. Сентябрь, будь он неладен, закрытие дачного сезона! Коробки, тележки, грабли... От последних укрылся я, забившись в угол, к дверям, так что выйду теперь спокойно, без толкотни.

Сзади, как водится, напирала пассажиры, за окном, как водится, пробежал пейзаж. В школе давно началась физ-ра, где никто ни на кого не напирал и никаких пейзажей за окном не рассматривал, а просто все бегали по кругу, высунув языки. Они там, я здесь. Ну и что, что от лица до двери пара миллиметров, а на моей ноге опять стоит чья-то сумка! Мне все равно лучше, чем им на физ-ре, так что пусть завидуют!

Электричка зашипела, я кубарем вылетел на платформу и сразу отошел подальше, к лавочкам. Сейчас пассажиропоток схлынет, и я смогу найти продавца. Бабушка не называла конкретных имен, просто сказала: «Купишь у бомжей». Они, что ли, все торгуют лечебной глиной?

Двоих я заметил сразу: они распивали у киоска и что-то яростно друг другу доказывали. Один махал руками, другой ловил его за эти руки и, судя по мимике, был совершенно не согласен с мнением оппонента. Протиснувшись сквозь шеренгу старушек и получив по ноге ручной тележкой, я подошел поближе.

– Ты не понимаешь! – кипятился первый (поверх сапог у него были надеты красные пластиковые пакеты. Наверное, чтобы ноги не промокли). – Не понимаешь, они же неграмотные! Мой сын не читает ничего, что читал в его возрасте я!

– Ну, может, у них просто другие вкусы. – Второй попытался утихомирить его. На нем был щегольский, когда-то белый шарф в зеленую полоску.

– Вкусы? – Бомж в пакетах так махнул рукой, что расплескал содержимое своего стакана. – Скажешь тоже: «Вкусы!» Нет у них вкуса, понял? Нет! Я своему сопляку недавно «Поднятую целину» раскопал. Знаешь, что он мне сказал на это?

– Не осилил, много буков?

– Не, он сказал: «Акутахава лучше». Кто такой этот акутахава? Комикс небось?

Бомж в шарфике пожал плечами, сказал: «Плюнь».

Тот, в пакетах, действительно плюнул, выпил и занюхал рукавом. Я подошел уже совсем близко, глаза заслезились от окружающих этих граждан ароматов. Господи, у них еще и дети есть!

Бомж в шарфике первый меня заметил:

– Чего надо, парень?

Второй в пакетах обернулся и молча кивнул, типа: «Да, чего надо?! Не видишь, отдыхают люди!»

– Глины, – говорю, – лечебной. У вас есть?

Бомж в пакетах подмигнул другому, указал на меня:

– Во, видал?! Глины ему! Какие тут вкусы?! Да мы в твои годы...

– Мне для бабушки, – перебил я. Интересно, чем ему глина не угодила и при чем тут вкус?

– Во! – Бомж в красных пакетах возмущенно кивнул другому. – Видал, и бабушке мозги запудрил! Да что за манера такая – всякую гадость в рот тащить!

– Я думал, ей спину мажут.

– Думал он! О чем ты думал? Как ты вообще можешь думать?

М-да, покупка глины превращается в череду бессмысленных оскорблений. Надо это прекращать!

– Я за глиной пришел, бабушка просила. И ваше мнение меня не интересует. Меня интересует глина. У вас есть?

Бомжи перемигнулись.

– А он мне нравится!

– Угу, с характером такой.

– Ладно, парень, уговорил. То, за чем тебя бабушка послала, это все туфта. Я тебе настоящую глину продам, хочешь?

– А бывает ненастоящая?

– Бывает лечебная, ее берут у родника. Это туфта. А настоящая лежит только...

– Не болтай! – перебил его Шарфик. – Может, ему простой лечебной надо, а ты...

– Именно простой лечебной, и чем скорее, тем лучше. Электричка через пять минут.

– Я ж говорил! – вздохнул Красный. – Парень хочет поскорее домой, принести абы что и отделаться. А помочь бабушке по-настоящему...

– Это какой-то особенной глиной, что ли? Я в эти сказки не верю, несите, что есть.

– Всего на десятку дороже, – вкрадчиво пообещал бомж в красных пакетах. Я, честно говоря, не знал, во сколько мне обойдется обычная глина. Бабушка дала столик и сказала – этого хватит. Я был с ней согласен: много ли может стоить то, что валяется под ногами, и бомжи собирают это, как пустые бутылки?

– Тащите ту и другую уже! – рявкнул я, и бомжи испарились, словно только и ждали команды. Вот и хорошо. Бабушка сама разберется, какая там глина ей больше подойдет.

Через секунду Красный вынырнул из-за палатки, неся в руках два больших пакета. Судя по тому, как легко он ими размахивал, в каждом было лишь на доньшке, но бомж протянул их мне с достоинством английской королевы:

– Лечись!

Я хотел ему сказать, кому из нас двоих следует подлечиться, но вспомнил, что скоро подойдет электричка.

– Где какая?

– Там все написано!

Я глянул: в каждом пакете по комку глины и по клочку бумажки с детскими каракулями – инструкции, ага. Сойдет! Отдал бомзам бабушкин столик (судя по их лицам, малость переплатил), крикнул: «Пока» – и побежал к подъехавшей электричке. Уже в вагоне, плюхнувшись на свободную скамейку, полез читать инструкции. Написано было негусто: в первом пакете глину украшала бумажка с надписью: «Радниг», во втором: «Сдлая земля». И этот грамотей еще ворчал, что его сын читает что-то не то? Жаль парня. Живет себе где-нибудь в заброшенном доме, читает Акутагаву, а вечером приходит этот в пакетах и начинает ворчать: «Не то читаешь! Вкуса у тебя нет!» И не одернешь его так просто: вонючий, а все-таки отец...

«Сдлая земля» была мягче «Раднига» раз в сто. От нечего делать я мял в руках кусочек. Под пальцами сами собой появлялись голова, туловище, руки-ноги. Ногтем я сделал черты лица. Неандерталец какой-то вышел. Я подумал еще и вложил человечку в руки глиняный молоток, чтобы было похоже. Во, теперь точно неандерталец!

Интересно вот что: «Радниг», это понятно – «Родник», а что такое «Сдлая земля»? «Злая», наверное. Вон, человечек какой сердитый получился. И каких только названий не придумают жители подмосковных деревень! Мы однажды снимали дачу на Воньком проспекте. «Злая земля» на этом фоне выглядит вполне прилично.

Электричка взвизгнула: подъезжаем! Я сунул человечка в карман, сгреб пакеты и направился к выходу.

Глава II

История на истории

Бабушка живет совсем недалеко от школы, ближе, чем мы с родителями. Я и двух минут не потратил, заскочил к ней, отдал пакеты:

– Тут два вида глины, сама разберешься.

– Спасибо, Витек.

И побежал на историю. Но что это была за история! Если бы я тогда знал, пошел бы сразу домой, лег на диван, а лучше – под, чтобы меня не нашли, так бы и валялся до утра, изредка поругиваясь. Вот такая это была история!

Я вошел в класс, я кинул с порога рюкзак на свою парту (отработано, все-таки восьмой год здесь учусь), я поставил подножку Лысому (за вчерашнее), шепнул Ремневой: «Трусы видно», и она купилась, хоть и была в комбинезоне... Получил книгой по башке, сказал «Спасибо», потому что эту книгу Ремнева давно мне обещала. Сел. Встал, приветствуя Елену-историчку, опять сел. Потом опять встал, потому что меня сразу же вызвали к доске, вышел...

Класс заржал так, словно к доске вышел не я, а, по меньшей мере, Шварценеггер в балетной пачке или кто-нибудь, еще более нелепый. Елена проигнорировала хохот. «Расскажи, – говорит, – нам про становление индустриального общества». Я и начал рассказывать. А класс все не унимался. А класс все ржал, а Елена все игнорировала, пытаюсь расслышать, что я там такое бормочу. А я бормотал и пытался понять – что не так? Ерунду, что ли, рассказываю? Нет, я все выучил, да и ржать начали сразу, как только я вышел к доске, не дожидаясь моих слов... Одежда, что ли, не в порядке?

Глянул – и чуть сквозь пол не провалился. На джинсах, целых еще минуту назад, от кармана и до колена была огромная дыра! Собственно, у меня просто отсутствовало полштанины. На чем держалась нижняя половина, как она не сползла до сих пор – загадка. Загадка номер два – почему Елена не замечает...

– Сейчас же прекрати этот стриптиз! – О, заметила. – Вон из школы! И без штанов больше не приходи!

Мне хватило выдержки спокойно дойти до своей парты, спокойно собрать учебники, спокойно огрызнуться на Лысого: «Похирикай у меня!», спокойно выйти. Едва дверь за мной закрылась, я припустился так, словно не на пожар мчался, а с пожара. Конечно, «с», вон, штаны уже порвал! И главное – когда успел? Как? Почему ничего не почувствовал? Такую дырищу проделать в штанах – надо еще постараться. А я не заметил и вышел к доске, голый и смешной.

Я летел домой, распугивая встречных старушек, и пересчитывал про себя: сколько народу мне теперь придется побить, чтобы восстановить свою репутацию. Лысый – раз. Этого обязательно. Лохматый – два, они с Лысым приятели, вдвоем представляют особую опасность. Илюхина – за компанию. Санька – обязательно, и Вана – тоже. Это если я успею переодеться до конца урока и переловлю всех до того, как они выскочат на перемену в коридор и разболтают о моем конфузе всей школе. А если нет? Тогда список будет расти и расти, а я буду драться и драться. Не останется времени ни на учебу, ни на компьютер, ни на бассейн – ни на что. И все равно, все будут помнить – такое не забывается! Ко мне прилипнет постыдная кличка, скажем, Стриптизер или Оборвыш, и меня будут дразнить даже первоклашки. Нет, до конца урока надо обязательно успеть! Хорошо, хоть девчонки у нас нормальные: учебником по башке, конечно, могут стукнуть, но никогда не опустятся до того, чтобы испортить человеку репутацию.

Старушки на лавочке у подъезда нервно переглянулись, зашептались, но мне ничего не сказали. Вот и хорошо, вот и ладно. Нырнем домой, ворвемся в комнату, не разуваясь, отыщем на полке джинсы, снимем дырявые штаны прямо в ботинках, подберем упавшего дурацкого глиняного человечка, закинем его в рюкзак... Чтобы надеть чистые джинсы, разуться все-таки пришлось. Три минуты – потеряно. Ничего, наверстаем по дороге обратно...

Я успел минута в минуту. Я ворвался со звонком и первым решительным движением отвесил оплеуху Лысому. Получил подножку от Лохматого, врезал обоим. Вскочил на ноги, врезал походя пробежавшему мимо Саньку, получил от него... Вообще-то, в мои планы не входило драться со всем классом одновременно, да еще при Елене (она не успела выйти). Но раз уж так получилось, отступить было нельзя. Сдашься сейчас – будешь не только Стриптизером, но и трусом. О тебе будут рассказывать, как сперва оставили без штанов перед всем классом, а потом побили. И никто не вспомнит, что дыра в штанах возникла сама по себе, без участия класса. Потому что это будет уже неважно.

– Прекратить! – вопила Елена, но ее никто не слушал. – Пятеро на одного, с ума сошли?!

Вот этого я и боялся. Драться начинал только с Лысым, а получилось «пятеро на одного». Так бьют только самых последних людей, и мне бы не хотелось получить подобную репутацию. Я стоял на ногах (очень хорошо!) и действовал, как автомат: Вану – локтем в челюсть, с ноги – Лысому, с другой – Лохматому, под дых – Саньку, Илюхину – за компанию, чтобы мимо не метался. Я не помню, как снял этот чертов рюкзак! Для этого требовалось освободить руки на целых две секунды: непозволительная роскошь в драке! И уж совсем я не помню, как двинул этим рюкзаком Лысому по башке. А вот Лысый запомнил.

И помнил потом, разглядывая школу из окна больницы, и вынашивал свой план мести, сто первый, наверное, за годы нашей бессмысленной вражды.

Я сразу все ему простил. Это очень легко: простить того, кто валяется на полу в луже крови из разбитого носа и, гримасничая, держится за голову. Только он-то тебя не простит. А те, кто дрались с вами в одной куче и минуту назад готовы были прибить вас обоих, будут теперь стоять хороводом, сочувствовать ему и ненавидеть тебя.

«Скорая» приехала быстро. Следом прибежали моя мать, сорванная с работы, и родители Лысого. Все долго орали, потом поехали в больницу, потом пили кофе из автомата в приемном покое, потом пришел врач и сказал, что Лысый отделался вообще-то легко, но пару дней в больнице полежать ему все-таки стоит: мало ли что? Еще он сказал, что все дети дерутся время от времени и нечего раздувать из мухи слона. Но это он сказал не для меня, а для родителей Лысого, которые за полчаса ожидания в приемном покое не присели ни на минуту. Ходили туда-сюда и пили на ходу кофе.

Мать молчала всю дорогу домой. Пробубнила только: «Отцу не говори», – и все. Я не пошел на последний урок и учить тоже ничего не стал назавтра. Вообще не представлял, как в школу пойду. Кто понаглее – будет спрашивать, что и как с Лысым, остальные станут молча коситься и обходить меня стороной. Я сидел в кресле в своей комнате и разглядывал серый монитор неключенного компьютера. Какие уж тут уроки?

Глава III

Что происходит?

Противно моросил дождь, сапоги увязали в мокрой земле. Метрах в пятидесяти от меня стоял кривой бревенчатый домик, в окошке горел свет. Другого света не было, все! Ночь, дождь, грязь и я. И еще бабушка, шагах в пяти: сидит на земле, глиной перепачкалась по самый платок и ругается:

– Что же ты, Витек, меня подвел! Они теперь не отпустят! – И показывает мне руки. Руки как руки, в темноте-то особо не разглядишь! А я пригляделся и вижу: держит ее кто-то, прямо из-под земли. Вот... из самой-самой грязи высунулись две руки по локоть и за запястья бабушку держат.

– Ты теперь с бомжами дружи, – говорит бабушка. – Они-то знают, как спасти Злую землю!

Я говорю:

– Какая земля, тебя спасти надо! Кто тебя держит там, отвечай!

А она:

– Пока землю не спасешь, не отпустит она меня...

Я смотрю: а этот, из грязи, тянет-тянет бабушку вниз, все глубже... Подбежал и с ноги: «Р-раз!» – по рукам-то ему, а они – в лепешки, и разлетелись. Руки-то глиняные... И сразу выросли из земли новые, принялись опять бабушку хватать. А из домика бревенчатого выбегает пацан, мой ровесник, кричит:

– Оставь ее, только хуже сделаешь!

Бежит он ко мне, бежит и с каждым шагом становится все меньше, меньше. Потом смотрю: это же не пацан вовсе, а мой глиняный человечек! Бегаёт под ногами, за сапоги хватается, потом ка-ак пнет!..

Я увидел темноту и свой серый монитор, включил ночник на автопилоте. Глючный какой сон! На часах – половина шестого. Утра, конечно, – вечером в это время еще светло. Рано уснул за монитором, рано проснулся. Случай с Лысым даром не прошел. Кошмары вот сниться начали! Надо хоть в больницу к нему сходить, а то я себя совсем уж скотиной чувствую.

За спиной зашуршало. Я обернулся: стеллаж, стул, кровать. Тетрадка упала с полки, вот и зашуршала. Встал, подошел, поднял. Под тетрадкой валялся мой глиняный человечек, неизвестно как там оказавшийся. А в полу зияла дыра.

Приличная такая, с хороший арбуз, не сквозная, но все равно бетон видно. Я откинул ковер, чтобы получше рассмотреть: все верно. Дыра в ковре, словно его прогрызли или порвали, дыра в паркете, будто его долго долбили чем-то тяжелым. Деревянные бруски, какие кладут под паркет, – тоже раздолбаны. Человечек в моих руках, троглодит чертов, бесстрастно замахивался молотком. Если это есть продолжение дурацкого сна, то, по крайней мере, в нем появилась логика. Человечек – троглодит с молотком, сущность разрушительная, вот и делает дыры везде, куда падает. У меня в кармане дыру прогрыз? Прогрыз. Или прорвал, не суть. В полу, вот, пожалуйста. Лысому опять-таки досталось, ведь человечек был в рюкзаке! Чтобы проверить, я несильно швырнул человечка в гору книг на столе. И получил то, чего ждал: солидную дыру в обложке! Объясняйся теперь с библиотекарями.

Первое, что пришло в голову, – выкинуть его в окно... Лечь на пол и закрыть голову руками, потому что неизвестно, какой разрушительной силой обладает дурацкий человечек. И почему он ею вообще обладает. Человечек как человек, я его из глины слепил.... Из глины со Злой земли!

Я сразу бросился звонить бабушке: шесть утра, она давно уже не спит. Мне один несчастный человечек покоя не дает, а кое-кто собрался этой глиной спину мазать! Бабушка даже не удивилась раннему звонку:

– Витек? Как ты? Почему не в школе?

– Рано еще, ба. Ты, это... Глиной-то лечишься?

– Ой, Витек, ты меня просто спас! Та, что «Родник», – не очень, а вот «Сдлая земля» – просто спасение! – И она минут пять рассказывала, какое спасение эта «Сдлая земля»; как она теперь замечательно себя чувствует и поднимается на восьмой этаж без лифта.

Бабушка рассказывала, а я слушал. Пытался понять: это еще сон или я уже проснулся и мучаю почем зря бедную старуху своими глючными страхами? Подобрал человечка, бросил в цветочный горшок на окне. Горшок разбился, окно осталось целым. Влетит мне от матери!

– Ба, все точно в порядке?

– Да отлично все! Заходи перед школой, сам увидишь!

Пожалуй, так я и сделаю. За стеной включился телевизор на полную громкость: отцовский таймер сработал, пора вставать. Я быстро перевернул ковер, так, чтобы дыра в ковре оказалась под шкафом не на видном месте, а дыра в полу была закрыта ковром. Учебники убрал, сгреб в пакет остатки цветочного горшка, цветок воткнул в банку с водой: вечером куплю горшок, если не забуду. Вот только что делать с человечком? Оставлять его дома точно нельзя: мало ли какие разрушения он учинит без присмотра. Упадет случайно или еще что. В карман нельзя – проходили; в рюкзак? Ну, если этим рюкзаком никого не бить, то и нормально.

Я уже собрался уходить, когда мать пришла разбудить меня. Сказал: «Выйду пораньше, хочу к бабушке зайти», – и быстренько сбежал, не дожидаясь, пока мать заметит дыру в ковре или цветок в банке. Я не трус и не предатель, я просто попал в переделку, а в какую – сам еще не понял. Разберусь – все почию, найду способ, честно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.